

УДК821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А85

Оформление серии *Е. Анисиной*

Ранее книга выходила под названием
«Одна любовь на двоих»

Портрет на обложке работы художника
эра Фрэнсиса Бернарда Дикси (1853—1928)

Арсеньева, Елена Арсеньевна.

А85 Страстная-опасная : [роман] / Елена Арсеньева. — Москва : Эксмо, 2018. — 224 с.

ISBN 978-5-04-095212-0

Страстно любил красавицу Ульяну разбойник Ганька Искра. На пути к своей заветной мечте он готов был убивать направо и налево, но каждый раз останавливался, сраженный взглядом прекрасных глаз. Да и чем не жена для него Ульяша — выросшая в господском доме и удочеренная барыней крестьянская девочка! Да только сама она выбрала себе в возлюбленные молодого помещика Анатолия Славина, так что противник у Ганьки серьезный. И, наверное, разрешить их соперничество может только смерть...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Арсеньева Е.А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095212-0

Чермуха цветет — милого ведет.
Пока цвет не облетел, про любовь ему поведай,
Опоздаешь — потеряешь, торопись, краса-девица!

Старинная песня

— *У*топленница! Барин, водами утопленницу принесло, народ смотреть побежал!

Вот так бывает — вроде бы закричал всего лишь дворовый мальчишка, а на самом деле прозвучал глас судьбы. И хоть все при этом встrepенулись и ужаснулись, никто даже не заподозрил, какие невероятные перемены в судьбе каждого влечет за собой это пугающее известие...

Глава первая

Собиралась гроза. По-хорошему наступить должны были черемуховые холода, ибо многие деревья покрылись уже белыми кистями и то оттуда, то отсюда наплывали сладкие душистые облака, но было невыносимо жарко уж который день. В воздухе не шелестнет, в небе мутно. Маревое, вязкое, тяжкое, опускалось на землю. Собаки заползли в тень и лежали точно мертвые. Наседка вырыла ямку под крыльцом, загнала туда цыплят и уселась над ними, изредка тревожно квохча.

В доме все окна были настежь, но занавеси висели не колыхнувшись.

Два молодых — не более двадцати пяти лет, они были ровесники — человека в простых легких рубахах с распахнутыми воротниками сидели на веранде. Перед каждым стояла на столе миска с простоквашей, принесенной с ледника, да еще кувшин с квасом, доставленный оттуда же. Ничего иного в такую погоду просто в рот не лезло, да и это глоталось через силу. Даже говорилось с трудом!

— Охота быть рыбою, — наконец обронил словцо один из молодых людей — стройный, гибкий, длинноногий. У него было спокойное, приветливое лицо с правильными чертами, длинными подвижными бровями, открытым взором и четким насмешливым ртом. Густые волосы пепельного цвета гармонично обрамляли это лицо, и весь облик молодого человека вызывал приязнь и желание продолжить общение с ним. — Охота быть рыбою и сидеть в пруду, к тому ж под бережком, где тень падает.

Однако ж собеседник не посчитал нужным ответить. Раздражение мелькнуло на этом лице, которое было полной противоположностью лицу первого молодого человека: сей был жгучий брюнет с большими черными глазами с припущенными внешними уголками, что придавало ему томное выражение, и крупным ярким ртом. Пожалуй, он напоминал итальянца — того типического облика, который предпочитают художники, но который вовсе не является типическим для всех итальянцев. А впрочем, господь с ними, с художниками, да и с потомками римлян тож — вовсе не они являются предметом нашего повествования.

— Сено на дальних лугах так и лежит, волокушею разобранное, — внезапно заговорил «итальянец» капризным голосом, как если бы речь шла не о хозяйственных заботах,

а о несвоевременной доставке галстухов в модную лавку. — Ох, прибавится в конюшне забот!

— В конюшне? — недоуменно повел своими выразительными бровями его собеседник. — Боишься, корму лошадям на зиму не хватит? Да вряд ли, cousin Петр Иванович, видел я, сколько сена в хранилища свезено...

— На конюшне у меня в Перепечине дерут виновных, — перебил брюнет. — Так и при батюшке велось, так и при мне ведется. Неужто у вас в Славине по-иному, а, cousin Анатолий Дмитриевич?

Стоит здесь упомянуть, что, хоть оба собеседника и называли друг друга кузенами, качество их родства было несколько иное. Петр Иванович, несмотря на молодые года, приходился Анатолию Дмитриевичу дядею. Впрочем, родство никакой приязни между ними не обеспечивало, чему имелись очень веские причины, которые будут вскрыты впоследствии. Пока же скажем лишь, что Анатолий пожал плечами и усмехнулся, словно речь шла о само собой разумеющемся:

— Да уж по-иному, это вы верно подметили!

— Оттого вы и не заделаетесь истинными богачами, — проговорил Петр с тем самодовольством в голосе, кое позволяло догадаться, что он-то как раз и полагает себя самым что ни на есть истинным богачом. Ну что ж, к тому имелись у него все основания, ибо Перепечино,

недавно перешедшее к нему после смерти отца, вполне можно было назвать скатертью-самобранкою. Сама по себе барская усадьба была невелика, однако полторы тысячи крестьянских душ и множество земель, окаймленных лесами и рощами, земель плодороднейших и щедрых, могли доставить уверенность не только в завтрашнем, но и в послезавтрашнем дне любому самому привередливому человеку.

Петр хотел еще продолжить что-то нравоучительное, но не успел: вдали глухо громыхнуло, и духота сгустилась еще более, хотя это казалось невозможным.

— А может, стороной пройдет? — предположил он, поглядев во все еще безоблачное небо.

И тут нанесло внезапным, резким порывом, нет, воистину шквалом ветра. Он разметал, взьерошил макушки черемух и берез, окружавших дом, взметнул занавеси в окнах, где-то хлопнуло сильно створкой, и в ту же минуту заметались по дому горничные — видно было, как они спешно затворяют окна.

— Раззявы, — сердито пробурчал Петр. — Прежде не могли позаботиться?! Коли хоть одно стекло разобьется, не помилую!

Анатолий шевельнул бровями недоуменно: да мыслимо ли было закрывать окна в ту духотищу, которая царила только что? Впрочем, он знал причудливый нрав своего родственника, а оттого оставил его нелепую реплику безответной.

Тем временем ветер мигом нагнал на небо серые облака; они домчались до солнца, заслонили его, и первые крупные капли дождя ударились в землю, взвинчивая фонтанчики пыли и сбивая с черемух белые лепестки.

Облака стали почти черными.

Перепуганная наседка вдруг зашлась, кудахча. Дождь хлынул с такой силой, что из-под крыльца и не высунуться, и эта глупыха, видать, только теперь додумалась своим куцом, воистину куриным умишком, что ее цыплят в миг зальет водой в той ямине, которую она для них так заботливо отрыла.

— Лушка! — вскричал Петр. — Забери цыплят! Коли хоть один сдохнет, плотникам на забаву тебя отдам, отдерут так, что бревном лежать будешь!

Выбежала девка с длинной рыжей косой, босая, в одной посконной рубахе. В руках у нее было решето. Дождь мигом облепил рубахой ее тело, а там было что облепить, ей же ей!

— Ух ты! — восхищенно сказал Анатолий, улыбаясь. — Хорошая девка!

— Толстомясая больно, — с ужимкой деланого пренебрежения проговорил Петр. — Зато есть где крепко лапнуть. И шибко стараться не нужно — чуть мигни, она уж на спину валится. Хорошая, верно ты сказал. Хорошая баловница!

Лушка, выставив задницу, которая могла ввести во грех любого постника, нагнулась

над незадачливой курушкой, ловко посадила ее в решето, одного за другим сунула туда же цыплят и, сверкнув на молодых господ бойкими карими глазами, побежала за угол дома, к черному ходу. Сильные ноги ее крепко впечатывались в лужи, поднимая тучи брызг, грудь была столь упруга, что не тряслась, а лишь слегка волновалась.

— Ну и ну... — протянул Анатолий. — Так, говоришь, баловница?

— Еще какая, — кивнул Петр, и лицо его вмиг сделалось враз добродушным и хитрым, как если бы его увлекло желание сделать гостью приятное, и в то же время он думал, как из этого извлечь елико возможно больше выгоды для себя. — А что? Тесно стало в штанах? Могу одолжить девку-то. Хоть нынче ночью, хоть завтра, как пожелаешь.

Анатолий, видимо, уловил алчные нотки в голосе Петра, и румянец внезапного желания пропал с его щек.

— Там поглядим, — сказал он уклончиво.

А гроза меж тем нарастала. Минуло уже более получаса ее свирепства, однако она и не думала стихать. Молнии сверкали одна за другой, гром гремел не переставая, дождь шел так, что расхожее выражение «лил стеной» вовсе не казалось преувеличенным. Чудилось, небеса жаждут отдать земле всю воду, которая в них скопилась, не заботясь о том, готова ли та принять

столь щедрые и безудержные возлияния. Видно было, что местами она захлебывается...

В потемнелом небе стали появляться странные вспышки, непохожие на обычные огненные стрелы.

— Шаровые молнии, — сказал Анатолий, глядя вверх. — Пойдем-ка в дом, да вели последить, не осталось ли окна незатворенного.

— А ты что тут хозяйничаешь?! — заносчиво глянул на него Петр. — Только утром приехал, а уже начал порядки свои наводить! Больно споро расхозяйничался! Знай, вряд ли чего добьешься, батюшка по закону жил, умер и дела мне свои по закону сдал!

— И в мыслях не было хозяйничать, — спокойно проговорил Анатолий, оставляя прочие слова Петра без внимания. — Но ты, видно, знать не знаешь, что такое шаровая молния, а я знаю. Нас с нянькою в Славине чуть не убило, когда мне еще пять лет было. Влетел огненный шар в окно — и ну перед нами мелькать... Я это на всю жизнь запомнил, сам больше испытывать не хочу и врагу не пожелаю.

— Ага, — с нервическим торжеством вскричал Петр, — знаю, что ты видишь во мне врага!

Брови Анатолия недоуменно разлетелись.

— Да с чего ты взял... — начал было он, однако его прервало явление странного персонажа.

Это была женщина в черной юбке, подоткнутой высоко над голыми высохшими нога-